

5 МАРТ 1961

Т. Г. ШЕВЧЕНКО И ТЕАТР

ЛЮБОВЬ Т. Г. ШЕВЧЕНКО
 К театральному нашла свое выражение не только в его творчестве — в пользующейся до сих пор неизменным успехом пьесе «Назар Стодоля», драматическом отрывке «Никита Гайдай». Еще мальчиком приходилось Тарасу много раз ночами за «кныш и копчу» (хлеб и 60 копеек) читать псалтырь над покойниками. Уже тогда односельчане одобрительно отзывались о «виразном», как они говорили, чтении сироты-пастушонка.

Позже, учась в мастерской Карла Брюллова, Шевченко часто читал свои и чужие произведения на квартире знаменитого художника, в домах друзей. Чтец он был превос-

ходный. Варвара Репнина, близко знавшая поэта, пишет: «Он стихами своими побеждал всех, он вызывал из глаз слушающих его слезы умиления и сочувствия, он настраивал души на высокий диапазон своей восторженной лирики, он увлекал за собой старых и молодых, холодных и пылких».

Такой человек, конечно, не мог не быть страстным театралом. Будучи учеником Академии художеств, он не пропускал ни одной премьеры, посещал все концерты гастролировавших в Петербурге артистов. В ссылке он и сам принимал участие в любительских спектаклях. Ротный командир Шевченко Е. М. Косарев оставил нам воспоминания об исполне-

нии опального поэтом роли Рисположенского в комедии А. Н. Островского «Свои люди, сочтёмся». «...Когда на первом представлении он позвался на сцене закостюмированный да начал играть,— пишет Косарев,— так не только публика, но даже мы, актеры, пришли в изумление и восторг! Ну, поверите ли вы, точно он преобразился, ну, ничего в нем не осталось Тарасовского: ярыга, чистая ярыга того времени,— и по виду, и по голосу, и по ухваткам!».

Тот же Косарев в другом месте своих воспоминаний снова говорит о редком актерском качестве, которым обладал Шевченко — даре перевоплощения: «Как начнет изображать в лицах купцов, попов, дьяконов, старообрядцев,— а он и на это был мастер,— тогда весь сия и хохоту просто не бывало конца».

Т. Шевченко связывала тесная дружба со знаменитыми актерами его времени — М. С. Щепкиным, С. Гулак-Артемовским, великим трагиком-негром Айра Ольриджем.

В записках Е. М. Косарева приводится, между прочим, такой факт. Как-то на ужине у коменданта Новопетровской крепости А. П. Маевского хозяин подошел к поэту, чокнулся с ним и сказал: «Богато тебя, Тарас Григорьевич, оделил бог: и поэт-то ты, и живописец, и скульптор, да еще, как оказывается, и актер... Жаль, голубчик мой, одного,— что не оделил он тебя счастьем...» В этих словах много горькой правды. Личное счастье не улыбнулось поэту. Но разносторонний, богатейший талант Шевченко не остался втуне.

И сегодня мы, как и предчувствовал поэт, «добрый, тихим словом» поминаем генияльного кобзаря, сумевшего в нечеловеческих условиях царской России показать, на что способен простой крепостной мужик, — подняться от передней невежественного барина-самодура до высот мировой культуры и тем самым как бы продемонстрировать неисчерпаемую талантливость народа, его вечную неиссякаемую силу жизни.

И. МОТИШОВ.